

Дмитрий Андреевич ФУРМАНОВ**ТАЛКА***Рассказ*

Первые выходили - бакулинские ткачи. Шершавой и шумной толпой выхлестнули они из корпусных коридоров на фабричный двор. И раскатился от стен и до стен по каменному простору ревучий гул.

У ворот, под стеной, оскалившись злобой, в строгой готовности вздрагивали астраханские казаки. На кучку железных обрезков, стружъя, укомканной грязи выскочила хрупкая тощая фигурка рабочего. И вдруг зашуршало по рядам:

- Дунаев... Дунаев... Евлампий Дунаев...

Дунаев вскрикнул что-то и взмахнул повелительно над головой короткими руками. И было видно, как торопливо юркнула к затылку черная кепка, сползли в подмышки рукава рабочей блузы и ворот отскочил с крутого кадыка.

По восковому рябому лицу Дунаева проступили горячие пятна, черные глаза захлебнулись волнением, вспыхнули, как жало - впились в толпу. Остро прыгала короткая борода, как клееные - трепетали черные усики. Он весь дрожал, словно птица в петле, а высоко вскинутая тонкая рука приказывала мужественно и властно:

- Товарищи, внимание!

И все, что гремело, стучало, кричало, визжало - вмиг встало. Вмиг - тишина. Только чеканным клекотом чмокнули по камням казацкие кони. Казаки ерзко шаркнули в седлах шершавыми штанами. Подались назад, хрустнули нагайками, но остались под стеной. Толпа могуче зевнула в казачью сторону, тяжело обернула к Дунаеву сухое решительное желтое лицо - и замолчала.

- Товарищи! Мы бросили работу, мы вышли на волю - зачем? Затем, чтобы крикнуть этим псам, - он дернул пальцем за каменный корпус, - крикнуть, что дальше так жить и работать нельзя! Верно али нет?

И казалось - подпрыгнул каменный двор от страшного вскрика толпы, а стены медленно, жутко покачнулись.

- Но не будет успеха, товарищи, - покрыл Дунаев утихавшие голоса, - не будет успеха, ежели мы в одиночку. Всем рабочим горькая жизнь одна - вместе с нами пойдут все фабрики, все заодно, - так али нет?

И снова крикнул в мгновенной встряске каменный двор. Охнула толпа, заволновалась тревожная, словно кто-то по рядам перебирал ее, как струны, - крепкими, цепкими пальцами.

Со стружъей кучки кратки были гневные речи.

С шипом кто-то шамкнул в толпе:

- Среди нас шпионы...

- Шпионы!.. Шпионы!.. Шпионы!..

Словно против шерсти пошарили зверя; взлохматилась, ошетибилась сердито толпа.

- Где шпионы? Взять шпионов в бока!

И кто-то выкрикнул резко и внятно:

- Шпионы метят спины мелом...

Тогда вмиг поверили все, что у шпионов - мел в руках, и тысячи глаз заскакали по соседским ладоням, шарили по саленым спинам, но не находили мела, не видели предательских спинных крестов.

- Про-во-ка-ция!

И так же быстро, уверенно побежало это новое:

- Провокация, провокация, провокация!..

- Товарищи, нет ничего; круглый обман. Торопись выходить за ворота!

И толпа снялась, как с якоря огромный пароход, - забила лопастями, заухла, расплескалась звонкими вскриками, выровняла путь и вперила в ворота прямой, неколебимый взор.

Тогда кони казацкие враз куснули удила - подались казаки в сторону, лава вылудила